

УДК 93/94+930.253

Д. И. Петин

Исторический архив Омской области,
Омский государственный
технический университет,
Омск, Россия

D. I. Petin

Historical Archive of the Omsk Region,
Omsk State Technical University
Omsk, Russia
dimario86@rambler.ru

БЫВШИЕ БЕЛЫЕ ОФИЦЕРЫ В СРЕДЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОМСКА СЕРЕДИНЫ 1920-Х ГГ.: ВЗГЛЯД СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

FORMER WHITE OFFICERS IN THE INTELLECTUAL
COMMUNITY OF OMSK IN THE MID-1920S:
A VIEW FROM THE SOVIET SECURITY SERVICES

Аннотация. В статье вводится в научный оборот комплекс сведений из неопубликованных отчётов Омского окружного отдела ОГПУ за февраль 1925 – сентябрь 1926 гг., посвящённых интеллигенции Омска. Цель работы – с позиций антропологического подхода и проблемного метода проанализировать профессиональную деятельность и общественную активность бывших белых офицеров, входивших в местную интеллектуальную элиту. По итогам исследования дана оценка характера поведения указанных представителей омской интеллигенции и информированности об этом спецслужб региона.

Abstract. The article introduces into academic circulation a body of information from unpublished reports of the Omsk district department of the OGPU from February 1925 to September 1926, dedicated to the intelligentsia of Omsk. The aim of the study is to

analyze, using an anthropological approach and problem-oriented method, the professional and public activities of former White officers who were part of the local intellectual elite, as seen through the lens of the regional Soviet security services.

Ключевые слова: интеллигенция, офицерство, советское общество, ОГПУ, Омск.

Keywords: *intelligentsia, officer corps, Soviet society, OGPU, Omsk.*

В ходе Гражданской войны в России тысячи бывших офицеров и военных чиновников белых армий, попав в большевистский плен, вскоре оказались на службе в Красной армии. Но в 1921–1922 гг. со стабилизацией в стране политической обстановки их массово увольняли с военной службы и бывшие комбатанты обретали себя на мирной ниве как работники различных гражданских учреждений [см. подр.: 1]. В советской России в числе сфер, остро нуждавшихся тогда в квалифицированных кадрах, были образование и наука. Здесь важно учесть, что в условиях военного времени ресурсом восполнения командно-административного состава армии традиционно становились представители интеллектуального труда: многие из них служили в годы Первой мировой и Гражданской войн в качестве офицеров или военных чиновников. В РСФСР–СССР эти «старорежимные» служебные категории воспринимались едино, обобщённо именуясь в делопроизводстве и повседневном обиходе «бывший (белый) офицер».

Офицерство, наряду с интеллигенцией тех лет, советской властью воспринималось как «историческая контрреволюция», что обусловило бдительный надзор над указанными лицами со стороны органов ВЧК–ОГПУ [2, с. 108–137; 3, с. 84–85]. Но в 1920-е гг. ещё только шло формирование собственно советских интеллектуальных кадров, а пока в массе своей основу умственной элиты СССР составляли «бывшие люди», в их числе недавние участники белого движения, прежде всего, офицеры [4]. Показательна ситуация в Омске – городе, который в 1918–1919 гг. по отношению

к большевистской Москве символизировал альтернативу государственно-политического развития России. Это породило оставивший знаковые последствия исторический феномен, который до сих пор весьма многопланово изучают учёные (в том числе, в самом Омске) [5, с. 58]. Подчеркнём, что после поражения белого движения доля офицерства среди населения города была весьма велика. Условно каждый 150-й омич в годы Гражданской войны носил погоны офицера, генерала, юнкера или военного чиновника Белой армии. Многие из них, будучи штатскими людьми по военной этике и культуре, продолжали общение друг с другом, оказывали при надобности помошь и т. п. [6, с. 1129–1131]. В силу образовательного ценза, специфики профессий, а иногда даже своих хобби эти люди в советском Омске были общественно активны. И логично, что эта ситуация нашла отражение в аналитических обзорах местных чекистов по интеллигенции [7; 8]. Мы систематизировали эти материалы в рамках учреждений, находившихся тогда под наблюдением ОГПУ.

Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства. В обзоре за март 1925 г. отмечалось, что нехватка квалифицированных специалистов вынуждает брать на вакансии научных работников бывших белых офицеров, а это «не будет полезно для работы вуза и будущих кадров красной профессуры» [7, л. 23]. Обзоры за ноябрь 1925 г. и июнь 1926 г. сообщают о нездоровых взаимоотношениях среди профессорско-преподавательского состава вуза: недружелюбии к молодым учёным, роспуске сплетен, нанесении публичных оскорблений. Так, на заседании предметной комиссии преподаватель Спириidonов назвал научного работника И. Н. Язева (1895–1955) «генеральской проституткой», объясняя это его «особой услужливостью» Н. Д. Павлову (1867–1929) – бывшему генерал-майору белой армии [7, л. 109; 8, л. 50]. Между тем, будущий известный советский астроном и педагог Язев был одним из лучших и талантливых учеников профессора Павлова. На землеустроительном факультете осенью 1925 г. имела место борьба группи-

ровок. Первая (во главе с деканом Павловым) руководила жизнью учебного подразделения и сжилась с новыми порядками. Ей сопротивлялась «консервативно настроенная» во главе с преподавателем кафедры строительного искусства П. П. Голышевым (1869–1934) – бывшим полковником Белой армии. Сведения о Павлове в обзорах разнятся. Он высказывался о скорой войне СССР с капиталистическими странами, в которой СССР потерпит поражение. А 1 ноября 1925 г. Павлов на банкете у профессора П. Л. Драверта (1879–1945) поднял бокал с патетической фразой: «Желаю, чтобы Советская власть была так же светла, как это вино и так же крепка, как оно» [7, Л. 90, 109].

Профессор-биолог К. Е. Мурашкинский (1888–1948) – бывший прапорщик старой армии и чиновник военного времени Белой армии – проходит в ряде обзоров как наиболее активно ведущий научную переписку с иностранными коллегами, в то же время он – «разгласитель новостей вуза, все события передаёт „под большим секретом“ и обязательно преувеличивает». Перед Пасхой 1926 г. в среде интеллигенции Омска активно ходила стихотворная листовка «Послание евангелисту Демьяну», авторство каковой приписывают С. А. Есенину. Заметили её и у Мурашкинского. Будучи любителем старинных изданий (наряду с А. Л. Иозефером и П. Л. Дравертом), он однажды витиевато высказался: «современная литература скучна и однобока, древняя, старая – там ты живёшь той жизнью, которая создаёт известный эффект» [7, Л. 90; 8, Л. 33, 50, 63, 95]. В более позднем обзоре 1928 г. Мурашкинский указан уже как «реакционно настроенный профессор» [9, Л. 5].

Сибирский художественно-промышленный техникум стал в Омске вторым «белогвардейским» учреждением в поле зрения ОГПУ. Ключевая фигура здесь – бывший поручик белой армии М. И. Стрельников (1891–1952) – глава этого образовательного учреждения до 1929 г. В обзоре за апрель 1925 г. читаем о нём: «как хозяйственник и администратор на месте, но в производстве разбирается очень мало, поэ-

тому производственная сторона [в техникуме] далеко отстоит от действительности. К тому же уделяет слишком много [внимания] официальной стороне [работы]. Академическая сторона техникума весьма хромает. Преподавательский состав в большинстве из бывших белых офицеров, которые в общественной жизни никакого участия не принимают» [7, Л. 37]. Сведения за январь 1926 г. схожи: «Преподавательский состав заставляет желать лучшего, ибо техникум в большинстве своём заселён нежелательными для современной советской школы преподавателями. Руководящая и идейная сторона в учебном отношении находится в руках бывшего белого офицерства <...> [где работает] из 17 человек до 8 бывших офицеров. На плохой качественный подбор преподавательского состава зав. [едущий] техникумом никак не реагирует, потому что сам [–] бывший белый офицер, по протеже его создалась группировка из лиц ему подобных <...> Стрельников защищает своих друзей» [8, Л. 3].

В контексте Омского худпрома в мае 1926 г. охарактеризован упомянутый выше бывший подпоручик белой армии А. Л. Иозефер (1889–1936), преподававший математику и в Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства. Учащиеся худпрома утверждали, что при сдаче зачёта по математике Иозеферу из 14 чел. сдаёт лишь один. Студенты отказывались от аттестаций, боясь провала; мстя, Иозефер делал таковым отметку как не сдавшим зачёт [8, Л. 64].

В феврале-сентябре 1925 г. внимание ОГПУ привлекла борьба между Западно-Сибирским отделом Русского географического общества (ЗСОРГО) и Западно-Сибирским краевым музеем за лидерство в организации краеведческого движения в регионе. Конфликт перешёл в личную вражду двух экс-пропагандистов Белой армии – прaporщика Ф. В. Мелёхина (1882–[после 1932]), директора музея, и чиновника военного времени Г. А. Вяткина (1885–1938), одного из активистов ЗСОРГО. Обе структуры имели схожие задачи в деле изучения и популяризации локальной истории, но омские чекисты полагали Мелёхина более

подходящим на должность руководителя создаваемого Омского общества краеведения, куда должны были влить ЗСОРГО. К осени 1925 г. конфронтация утихла [7, Л. 18–19, 39–40].

В те годы «классический интеллигент» Вяткин, общавшийся в кругах местной творческой элиты, был известен и как глава одной из групп литераторов Омска, противостоявшей неформальному объединению А. С. Сорокина (1884–1928) и А. П. Петренко (1902–[не ранее 1954]) – кружку приверженцев имажинизма и футуризма, склонных к эпатажу и скандалам. Но по сведениям ОГПУ, каждая из групп не оказывала влияния на литературную жизнь в городе. При этом Вяткина чекисты считали наиболее видным литератором, тем не менее, отмечая в обзоре за февраль 1925 г., что «его подделывание под советский тон не всегда бывает удачным и обывательская психология проскальзывает» [7, Л. 12].

Заметим, что обзоры отражают и реакцию бывших офицеров на различные громкие события. Всевозможные толки среди интеллигенции Омска вызвала смерть Ф. Э. Дзержинского в 1926 г. Так, бывший капитан белой армии К. П. Алмазов (1892–1937) отметил, что покойный был отравлен, добавив: «Он режимил, теперь сам зарежимился» [8, Л. 60]. Предметом обсуждения в среде экс-белогвардейцев были и драматические военно-политические инциденты середины 1920-х гг. в Китае. Об очевидных сложностях экономического характера, в связи с этим влиянии происходящего на СССР говорили упомянутый К. Е. Мурашкинский и бывший военный чиновник, статский советник А. Г. Блосфельд [1865 – не ранее 1933], что указано в обзоре за апрель 1926 г. [8, Л. 48]. В январе того же года Омский окружной отдел ОГПУ усилил наблюдение за «офицерской частью» преподавательского состава омского худпрома. Причиной стало «оживление настроений» среди этих людей в связи с ситуацией в Харбине на рубеже 1925–1926 гг. По мнению чекистов, белогвардейцы-омичи ожидали «очевидно, каких-то сильных осложнений (войны и т. п.)» [8, Л. 4]. Такая

реакция комбатантов именно на военные события во многом объяснима: ещё относительно недавно каждый из этих людей был частью армейского коллектива, имел боевой опыт.

Российский историк Р. Г. Гагкуев в недавнем интервью подчеркнул особую важность изучения феномена русского офицерства в военно-революционную эпоху [10, с. 8]. Такую тенденцию в историографии мы наблюдаем и на примере работы площадок публичной истории [см. напр.: 11–12]. В связи с этим введение в научный оборот источников по данной проблеме актуально. Да, омские чекисты благодаря агентурной работе были неплохо осведомлены о настроениях интеллигенции и, в частности, бывших офицеров. Но, как видно, в середине 1920-х гг. общественная атмосфера в СССР ещё не была ужесточена, как десятилетие спустя с нарастанием процессов сталинской модернизации государства и общества [см. подр.: 13]. В рассматриваемый период экс-белогвардейцы, как явствует омский пример, вели себя достаточно активно в профессиональном и социальном отношении; они не были осторожны в словах, допуская весьма смелые высказывания политизированного содержания. Это (вкупе с их тесными межличностными контактами) закономерно настораживало органы ОГПУ, становясь основой оперативных разработок в годы массовых политических репрессий.

Важно отметить, что анализируемые обзоры не сводились к собиранию лишь политического или бытового негатива (в том числе, о бывших белых). В целом в них концентрировалась информация, потенциально полезная для принятия решений советским руководством региона. Да, обзоры – весьма специфичные, но при этом ценные информативные источники ведомственного архивного хранения; в них отмечены и общие тенденции, и конкретные факты (характеристики, примеры), каковые не всегда могут быть почерпнуты в иных местах. Хотя, для построения полновесной картины, безусловно, важен учёт максимально широкого круга документов и материалов.

Список литературы

1. **Абинякин, Р. М.** Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 91–103.
2. **Василевский, В. П.** «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье / В. П. Василевский, А. В. Сушко. – Омск: ОмГТУ, 2017. – 280 с.
3. **Сушко, А. В.** Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А. Б. Гуларяна и А. Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2023. – № 1. – С. 83–89.
4. **Стельмак, М. М.** Вклад бывших белых офицеров в развитие и культуру советского Омска в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 22–24 марта 2023 г.). – Омск, 2023. – С. 124–129.
5. **Пученков, А. С.** К юбилею замечательного сибирского историка // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2024. – № 3. – С. 56–62.
6. **Сушко, А. В.** Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству / А. В. Сушко // Вестник архивиста. – 2022. – № 4. – С. 1125–1137.
7. **Архив УФСБ России по Омской области.** Ф. 87. Оп. 6. Д. 33.
8. **Архив УФСБ России по Омской области.** Ф. 87. Оп. 6. Д. 48.
9. **Исторический архив Омской области.** Ф. П–7. Оп. 1. Д. 1048.
10. **Гагкуев, Р. Г.** «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» / Записал А. В. Сушко // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2024. – № 1. – С. 6–12.
11. **Мамонтова, М. А.** Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской